

УДК 81

DOI: 10.26140/bg23-2020-0901-0099

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

© 2020

SPIN-код: 9446-8712

AuthorID: 1033266

Горбунова Татьяна Алексеевна, старший преподаватель

Аветисян Нелли Бабкеновна, старший преподаватель

Московский политехнический университет

(107023, Россия, Москва, улица Семёновская Б., дом 38, e-mail: avenelly@rambler.ru)

Аннотация. Статья посвящена изучению этимологических особенностей топонимов во французском и немецком языках. Авторами обозначена актуальность и значимость темы исследования. Поставлена цель и определена методология статьи. Изучены наиболее распространенные виды топонимики (этническая, ландшафтная, мемориальная, социально-историческая, вторичная), приведены примеры из немецкой и французской лингво-языковой практики, подкрепленные комментарием этимологической специфики. Предпринята попытка проанализировать эволюцию этимологии французской и немецкой топонимии на примере периода 1913-1915 гг. – первых лет Первой мировой войны, когда одним из результатов военного противоборства становится ксенофобия. Выдвинута гипотеза о том, что именно она стала одним из ведущих факторов трансформации лингво-языковой картины рассматриваемых этносов. Показано, что топонимические системы могут подвергаться в той или иной степени масштабным искусственным (законодательным) изменениям под влиянием глобальных мировых процессов, таких, например, как мировые войны и последующие перекройки государственных границ. Интерес представляет тот факт, что в приведенных переименованиях топонимов, с одной стороны, проявляется одна из важнейших функций имени собственного – идентифицирующая, или конкретнее – этническая самоидентификация общества или его доминирующей части. С другой стороны, в связи с тем, что подобные лингвистические трансформации нередко производятся в полинациональных и в полиязыковых социумах, то целесообразно говорить и о топонимическом геноциде, как проявлении национально-культурного геноцида.

Ключевые слова: ономастическая наука, топоним, заимствование, происхождение, этимология, французский язык, немецкий язык, Первая мировая война, топонимическая война, этническая самоидентификация, немецкие колонии

ETYMOLOGICAL FEATURES OF TOPONYMS IN FRENCH AND GERMAN

© 2020

Gorbunova Tatiana Alekseyevna, senior teacher

Avetisyan Nelly Babkenova, senior lecturer

Moscow Polytechnical University

(107023, Russia, Moscow, Semyonovskaya B. Street, house 38, e-mail: avenelly@rambler.ru)

Abstract. The article is devoted to the study of etymological features of toponyms in French and German. The authors outlined the relevance and significance of the topic of the study. The purpose and methodology of the article is defined. The most common types of toponymy (ethnic, landscape, memorial, socio-historical, secondary) have been studied, and examples from German and French language practice have been given, supported by a commentary on etymological specificity. An attempt was made to analyze the evolution of the etymology of French and German toponymy on the example of the period 1913-1915 - the first years of World War I, when xenophobia became one of the results of the military confrontation. It has been hypothesized that it is that has become one of the leading factors in the transformation of the linguistic-linguistic picture of the ethnic groups under consideration. Toponymic systems are shown to be subject to some degree of large-scale artificial (legislative) changes under the influence of global world processes, such as world wars and subsequent redrawing of state borders. Of interest is the fact that in the given renames of toponyms, on the one hand, one of the most important functions of the name of one's own - identifying, or more specifically - ethnic self-identification of the society or its dominant part. On the other hand, in view of the fact that such linguistic transformations are often carried out in poly-national and multi-linguistic societies, it is advisable to talk about toponymic genocide as a manifestation of national-cultural genocide.

Keywords: onomastic science, toponym, borrowing, origin, etymology, french, german, Great War, toponymic war, ethnic self-identification, german colonies

ВВЕДЕНИЕ

Топонимия представляет собой совокупность географических наименований определенной местности, являющаяся неотъемлемой частью ее культурного ландшафта, одним из способов передачи культурно-исторического наследия. Как справедливо отмечает О.В. Гефнер, топонимы не просто выполняют адресную или информационную функцию, – они создаются в определенную историческую эпоху, отражают специфику природно-географической среды территорий, мировоззрения, языка, культуры общества, идеологии и политики государства [1, с. 94].

В этой связи, топонимия вызывает колоссальный научный интерес не только лингвистов (А. Бах, Х. Вальтер, Э. Виаль, Т. Витковский, В.А. Жучкевич, П.-И. Ламберт, Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов, Э. Негре, В.А. Никонов, Э. Ферстеманн, Р. Фишер, Э. Эйхлер и пр.), но и культурологов (А.Р. Аюбов, Н.Г. Брагина, В.В. Воробьев, В.Г. Гак, Г.В. Драч, Г.В. Елизарова, Д.И. Ермо-вич, Л.Г. Ионин, В.В. Ощепкова, Д.Ч. Малишевская, С.Г. Проскурин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Г.Д. Томахин

и пр.), этнографов, краеведов, историков, социологов (Р.А. Агеева, М. Бушаф, М. Дадабаева, А.П. Дульзон, С.К. Караев, П.Б. Лурье, Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов, С.У. Умурзаков, М. Филанович, И.Д. Хабаев, А.Л. Хромов, и пр.) и пр.

Так, помимо изучения вопроса этимологии тех или иных географических названий, представляется возможность определить влияние этнического, политического, экономического и иных факторов, также непосредственно влияющих на историю происхождения конкретного топонима. Все же, одной из приоритетных задач топонимики является восстановление утраченной этимологии географического наименования. Названия не бывают бессмысленными даже если исторический смысл топонима утрачен.

С древних времен народ давал названия рекам, озерам, поселениям, городам и пр. – они или сохранялись тысячелетиями, или заменялись спустя короткий промежуток времени в связи с тем или иным историческим событием или процессом, например, военным.

Таким образом, мотивированность и устойчивость

топонимов – это ключевые признаки, характеризующие национальную топонимику как, в том числе, историческую науку.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью данной статьи является исследование влияния ксенофобии, порожденной событиями Первой мировой войны, на трансформацию топонимического поля стран-участников военных действий начала XX в. Интерес к данной теме обусловлен практически полным отсутствием исследований по проблеме влияния военного фактора на этимологию и топонимов, не только в отношении «Великой войны», но и в отношении других фундаментальных в эволюционном плане межнациональных противостояний.

Предпринятое исследования топонимов, которые менялись в зависимости от степени расширения завоеванных тем или иным государством территорий, или освобождения от них земель, в ходе военных действий в годы Первой мировой войны осуществлялось с использованием ряда методов, таких как сопоставительный (для установок общих и отличительных черт топонимов и их производных, как элементов лексики немецкого и французского языка), метод компетентностного анализа (для выявления этимологических особенностей топонимов, образованных в результате военных действий), а также метода непосредственных составляющих (для описания морфолого-словообразовательной структуры топонимов в русском, французском, немецком и австрийском языках).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Современной науке известно множество различных источников образования топонимов, таких как этническая, ландшафтная, мемориальная, социально-историческая, вторичная и иные виды топонимики [2, с. 83-84].

Этническая топонимика представляет собой одним из древнейших топонимических пластов, который восходит к наименованию племен и народов, которые жили на конкретной территории. Так, например, немецкий исследователь В. Арнольд полагал, что определенный тип топонимов может быть связан с конкретным германским племенем. В частности, он отмечал, что ойконимы со вторым компонентом *-heim* (например, *Bad-Nauheim*, *Hargesheim*) являются франкскими, а ойконимы на *-igen* (например, *Solingen*) и *-hafen* (например, *Friedrichshafen*) – классическими алеманнскими названиями [3]. Французский ученый К. де Силгуй, раскрывая этимологию топонима «Париж» (*фр. Paris*) пишет о том, что, согласно «галльской» версии, он произошел от латинского «*civitas parisiorium*», т.е. «город паризиев». В III в. до н.э. это кельтское племя основало на месте современного острова Сите поселение, получившее название «Лютетия», от латинского *lutium* – «грязь, ил» или *louk-teih*, *louk-tier* – «топкие места». После того, как Галлия превратилась в римскую империю, Лютетия стала одним из крупнейших торговых центров, а с III в. н.э. получила название «Паризии» [4, р. 18]. Ландшафтная топонимика репрезентирует отражение во многих географических названиях особенности окружающего рельефа, водных бассейнов, характера растительности и пр. Подобными топонимами изобилует французский язык, например, по версии Г. Гёхлера современное название местности Монпелье (*фр. Montpellier*) произошло от названия растения, которое там произрастало – «*Isatis tinctoria*» [5]. Э. Негре приводит в качестве пример французский город Лилль (*фр. Lille*); с этимологической точки зрения данный топоним произошел от галло-римского слова *isula*, происходящего, в свою очередь, от латинского *i[n]sula*, т.е. «остров с домами», что самым непосредственным образом обусловлено географическим положением города, который возник как село на острове между двух рукавов Дель. В старофранцузском языке часто использовался топоним *Lysle* [6, р. 108-109]. Название немецкого города Хемниц (*нем. Chemnitz*) происходит от наименования небольшой реки Кемниц, при-

тока реки Цвиккауэр-Мульде (*нем. Zwickauer Mulde*). Само слово «*chemnitz*» происходит от «*kamjenica*» из языка лужицких сербов и означает «каменистый ручей, река» [7, с. 530].

Мемориальная топонимика характеризуется традициями или фрагментарным опытом наименования городов, сел и улиц именами основателей, первых поселенцев, владельцев земельных участков, домов и пр., что традиционно корнями уходит в далекое прошлое. Мемориальные топонимы не возникают только стихийно, их источником может быть какой-либо нормативно-правовой акт.

Так, в начале 2017 г. в Калининграде одной из небольших улиц дали название, годоним, в честь героя-коммуниста Николая Щорса. На вывеске дома №11, тем не менее, подписано еще кое-что другое: *Wißmannstraße*. Это немецкое название улицы тех времен, когда Калининград был столицей Восточной Пруссии. Подобные вывески недавно появились на нескольких домах [8]. Если говорить о городах, то, например, немецкий город Ратцебург (*нем. Ratzeburg*), ранее славянское поселение Ратибор, первые упоминается в документах короля Генриха IV в 1062 г. (*Racesburg*). Само же название происходит от имени ободритского князя бодричей Ратибора.

Социально-историческая топонимика формулируется, когда географическое наименование образовано в связи с нахождением на конкретной территории центра торговли, экспорта-импорта, производственного центра или же характеризуется иными социально-экономическими особенностями. Хорошим примером является немецкий город Бремерхафен (*нем. Bremerhaven*); с нижненемецкого (*н.-нем. Bremerhoben*) топоним переводится как «бременная гавань». Город занимает территорию на северо-западе государства, в 60 км. от него расположен Бремен, вместе с которым они образуют землю Вольный Ганзейский город Бремен. Бухта обеспечивает основную часть доходов бюджета Бремерхафена и земли Бремен. Это крупный торговый, пассажирский порт, здесь сосредоточен центр промыслового флота государства. Вторичная топонимика – это часто своеобразные названия местностей, городов, рек и так далее, которые появляются на значительном расстоянии от названия-оригинала. Подобный «перенос» топонимов осуществляется традиционно при компактном переселении. Например, в США есть такие города, как Лондон, Бостон, Кембридж, Орлеан, Москву, Санкт-Петербург, Одесса и пр. В контексте этимологии топонима можно привести пелагоним Северного моря (*фр. Mer du Nord*); он вошел в международный вокабуляр из нидерландского языка, где носило название «Нордзее» (нидерл. *Noordzee*, буквально – «Северное море»), в противоположность нидерл. *Zuiderzee* («Южное море»), расположенного к югу от Фризии. Как пишет Р. Скулли, до вхождения в употребление названия «Северное море», примерно до Первой мировой войны, в англоязычных странах море именовалось «Немецкое море» или «Немецкий океан», эти названия восходят к латинским «*Mare Gemanicum*» и «*Oceanus Germanicus*» [9].

В данной статье предлагается к рассмотрению еще один вид топонимики, который характеризуется сформулированными в результате военных действий географическими наименованиями – хоронимов [10, с. 14], которые образовались из немецкого и французского языков в результате завоевания тем или иным государством определенной территории. Итак, 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России. 3 и 4 августа на стороне России в войну вступили Франция и Великобритания. 6 августа к Германии присоединилась Австро-Венгрия. Так начиналась Первая мировая война, в которую оказались вовлеченными 38 государств с населением 1,5 млрд. человек. Во всех противоборствующих странах наблюдался не только патриотический подъем, но и всплеск ксенофобии, в каждой конкретной стране направленный на конкретный этнос. Г.Н. Алишина

пишет, что первым «приступ ксенофобии» ощутили на себе подданные воюющих с Россией держав, т.е. лица, которые находились в германской, австрийской и турецком подданстве и оказались на момент начала боевых действий на территории Российской империи [11, с. 87]. Также прецеденты имели место в России, Австралии, США, Великобритании – против германских подданных или лиц немецкого происхождения, в Германии, в частности, – против евреев. Ксенофобия в те годы принимала разные формы, в том числе и радикальные. Одна из специфических ее форм – замена топонимов определенного языкового происхождения.

Говоря о самой Российской империи, то антинемецкий настрой привел к отказу от определенного количества топонимов немецкого происхождения, которых в стране и по сей день не мало – Оренбург, Санкт-Петербург, Екатеринбург (нем. *burg* – крепость), Ораниенбаум (нем. *Oranienbaum* – буквально «апельсиновое дерево»), названия множества поселений немецких колонистов и так далее. Подобные топонимы обществом в то время воспринималось как часть «немецкого засилья», от которого следует как можно быстрее избавляться. В этой связи, был на государственном уровне был поставлен вопрос о замене немецких по происхождению топонимов на русские. Первым, как пишет А.Г. Румянцев, «пал» Санкт-Петербург [12]. С инициативной «сбросить последнюю тень немецкой опеки» выступила чешская колония писали в «Биржевых ведомостях» (31 июля (12 августа) 1914 г. №14281) в статье под заголовком «Не Петербург, а Петроград». В целях обоснования авторы публикации апеллировали и к опыту А.С. Пушкина, и других поэтов, говоривших о «Петрограде», и к языкам южных и западных славян, называвших российскую столицу Петроградом. Под статьей было собрано множество подписей представителей всех социально-экономических классов Санкт-Петербурга. Официальное (властная инициатива) же переименование города было предпринято министром землеустройства и земледелия А.В. Кривошеиным. Таким образом, спустя почти месяц после начала военных действий, 18 (31) августа 1914 г. – Николай II подписывает высочайшее повеление о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград. Вопрос о переименовании столицы был принят к исполнению на чрезвычайном заседании гласных Городской Думы столицы 25 августа (6 сентября) 1914 г. В данном случае можно говорить об аспекте мемориальной топонимики.

Выше мы говорили об Оренбурге и Екатеринбурге – власти, по уже ранее указанной причине также хотели переименовать. Например, касаясь Екатеринбурга – инициативу выдвинул пермский губернатор в конце октября 1914 г. Этот вопрос обсуждался на заседании Городской думы 29 апреля 1915 г. Предлагались такие названия: *Екатериноград*, *Иседонск*, *Екатеринополь*, *Екатеринозаводск*. Однако, Дума единогласно высказалась против. В декабре 1916 г. вопрос о переименовании Екатеринбурга был поднят вновь. Е.Ю. Казакова-Апкаримова пишет, что в письме Пермской ученой архивной комиссии Главному начальнику Уральских горных заводов предлагались новые названия, «приличествующие русскому городу» – *Екатеринозаводск*, *Екатериносетск*, *Екатериноуогорск*, *Екатериноурал*, *Екатеринокаменск*, *Екатериногор*, *Екатеринобор*. Но и на этот раз реализовать переименование не получилось. 14 апреля 1915 г. на заседании Городской думы Оренбурга обсуждался вопрос о переименовании Оренбурга. Было предложено множество вариантов новых названий на русский лад: *Ориенград*, *Ориендар*, *Яйцк*, *Приуральск*, *Орельград*, *Славяно-Георгиевск*, *Ново-Георгиевск*, *Самаро-Уральск*, *Неплюевск* и др. Однако, большинство гласных не поддержало идею переименования. Известны попытки переименования в годы Первой мировой войны и названий улиц, имеющих отношение к стране военного противника. Например, дважды (в 1914 и 1915 г.) пытались переименовать

Немецкую улицу в Саратове, предлагая вместо этого названия *Славянская*, *Скобелевская*, *Петра I*, *Волжский проспект*. И несмотря на то, что высшими инстанциями переименование утверждено не было, улица на три года стала Скобелевской (в честь генерала М.Д. Скобелева), т.е. образовался новый топоним [13]. Если вернуться немного назад, до начала военных действий, то на 1913 г. в Российской империи проживало порядка 2,4 млн. граждан Германии. Большинство их них был потомками крестьян из немецких княжеств Европы, которые приняли «предложение», содержащееся в манифесте Екатерины II от 04.12.1762 г. о приглашении европейцев селиться на свободных землях Поволжья. Следующий миграционный поток имел место после опубликования манифеста императора Александра I 1804 г., когда колонисты были направлены в район Причерноморья и Кавказа. Так, основными местами расселения российских немцев были среднее и нижнее Поволжье, Северное Причерноморье, Закавказье, Крым, Волынь, Северный Кавказ и Сибирь. В результате, многие поселения приобрели немецкие названия *Дитель* (нем. *Dietel*, по имени первого *фюрингера* К.Г. Дителя), *Катариненштадт* (с нем. *Katharinenstadt* – буквально «Екатерининский город»), *Цюрих* (от галльского имени *Türos*), *Штрауб* (от юж.-нем. *straub* – буквально «защитный») и др. При этом немецкие названия колоний зачастую носили статус неофициальных, бытующих в повседневной жизни. Официальные же названия были не немецкими, но их использование ограничивалось географическими картами и делопроизводством. В связи с борьбой Российской империи размещением немецкого «населения» на территории государства, в годы Первой мировой войны национальные названия колоний, соответственно, также начали ликвидироваться. Нормативно-правовым актом, на основе которого производились переименования стал циркуляр министра внутренних дел Н. А. Маклакова от 15 октября 1914 г., направленный губернаторам. В нем предписывалось выявить селения с немецкими названиями и подготовить предложения по их переименованию: «В виду войны России с Германией и Австрией я нахожу своевременным поставить на очередь вопрос о переименовании тех селений и волостей, кои носят немецкие названия, с присвоением им наименований русских. <...> В виду сего, прошу Ваше Превосходительство ныне же затребовать отзывы от Земских Начальников, в участках коих имеются упомянутые волости и селения, об обстоятельствах, при которых таковым усвоены немецкие наименования, и о том, какими, по местным условиям, русскими наименованиями было бы соответственно их заменить» [14]. В СМИ данный вопрос широко обсуждался научным сообществом. Так, например, П.В. Вибе приводит данные по Западной Сибири. В этом регионе процесс переименования немецких селений наибольший размах принял в Томской губернии. Например, в Орловской волости было выявлено 23 поселков с немецкими названиями, в Новоромановской волости – 11. Вместо них давались новые названия, которые являлись или переводом немецкого, или соответствовали названию переселенческого участка: *Гальбштадт* (нем. *Halbstadt*, буквально – «половина города») в *Полгород*, *Гнаденфельд* (нем. *Gnadenfeld* – буквально «поле милостей») в *Мирное*, *Шенфельд* (нем. *Schönfeld*, буквально «прекрасное поле») в *Желтенькое*, *Розенфельд* (нем. *Rosenfeld*, буквально «розовое поле») в *Малышевское* и т.д. Как видно, русскоязычные топонимы практически всегда формулировались исходя из буквального перевода с немецкого языка.

Касаясь французских топонимов, можно говорить о том, что в течение достаточно долгого времени регионы Эльзас и Лотарингия, расположенные на границе Франции и Германией, являлись спорными и неоднократно становились предметом противоборств между государствами. К концу XVIII в. почти вся эта территория перешла под юрисдикцию Франции. В 1871 г. Эльзас и

часть Лотарингии отошли Германии, а после окончания Первой мировой войны – вновь Франции. В 1940–1944 снова в составе Германии, после чего вернулись в состав Франции. Подобная смена юрисдикций Эльзаса и Лотарингии многократно отражалась на топонимах этих регионов. Так, в 90-е гг. XVIII в. под влиянием политики якобинцев в области формирования единой французской нации многие немецкие топонимы Лотарингии были переименованы. После образования в 1871 г. имперской земли Эльзас-Лотарингия в составе Германии здесь начался обратный процесс – «онемечивания» топонимов. Изначально власти придерживались принципа сохранения французского названия для населенных пунктов с преобладанием франкоязычного населения. Однако, как отмечает А.И. Назаров, приток немецкоязычного населения во франкоязычную часть привел к тому, что в 1877 г. многие франкоговорящие поселения получили немецкие названия. Это затронуло порядка 700 топонимов. С 1877 по 1915 год онемечиванию подверглись только три топонима, однако, Первая мировая война вновь активизировала процессы переименований. Из среды немецких лингвистов в то время появились предложения скорректировать топонимы в имперских землях. К этому призывал, в частности, специалист по аллеманскому языку профессор К. Боненбергер. 2 сентября 1915 г. кайзер Вильгельм подписал закон о переименовании всех сохранившихся в Эльзас-Лотарингии французских топонимов. Были затронуты названия 247 населенных пунктов [16]. Одновременно с этим, задача осложнялась тем, что было необходимо не столько восстановить старые немецкие названия, сколько в основном создать новые. О том, как это происходило, рассказывает известный немецкий диалектолог Ф. Ментцем в статье, опубликованной в «Журнале Общегерманского языкового союза» в 1916 г. Так, Ф. Ментц пишет, что незначительная часть новых топонимов представляла восстановленные из каталогов населенных пунктов немецкие названия. Так, в Нижнем Эльзасе *Plaine* переименовали в *Blen*, *Fouday* в *Breusch-Urbach*, *Colroy-la-Roche* в *Kolrein*, *Grandfontaine* в *Michelbrunn* и т. п. Примеры по Лотарингии: *St. Ay* в *Aich*; *St. Borny* в *Bornen*; *St. Vahlen* в *Wahlen*; *St. Voimhaut* в *Wainwalz* и др. Если в топониме встречалось имя святого (агоним), то имя переделывали на немецкий манер: *St. Eprve* в *St. Erffert*, *St. Louis* в *St. Ludwig*, *Châtel-St. Germain* в *St. German* и др. Автор также охарактеризовал приводимые им примеры как неудачные переименования. Так, он отметил, что в немецком языке имя *German* почти не встречается, поэтому было бы лучше назвать *Petersburg* или *Germanburg*. Для многих топонимов потребовалось полное или частичное калькирование. Особенно для тех, которые содержали компоненты *mont* (от фр. «гора»), *val* (от фр. «долина»), *moulins* (от фр. «мельницы»), *village* (от фр. «деревня»), *ville* (от фр. «город»). Соответственно, *mont* (гора) заменяли на *berg*, *val* (долина) – на *tal* и т. д., то есть: *Vulmont* в *Wulberg*; *Richeval* в *Reichental* и т. п. К названиям, которые были переведены, автор публикации отнес также следующие: *Coin b. Cuvry* в *Kuberneck*, *Chénois* в *Eichendorf*, *Aulnois* в *Erlen*, *Fresnes-en-Saulnois* в *Eschen* и др. Широко использовалось и добавление формантов *-ig* или *-ich*: *Ancy* в *Anzig*, *Arry* в *Arrich*, *Chambrey* в *Kambrich* и др. [17].

После поражения Германии в Первой мировой войне и утраты государством Эльзас-Лотарингии французские топонимы здесь были восстановлены. В годы немецкой оккупации 1940–1944 гг. вновь онемечены, а после освобождения – снова офранцужены.

ВЫВОДЫ

Бесспорен тот факт, что топонимы в том или ином формате занимают уникальное место в лексической системе любого языка, а топонимика, как наука, имеет синтетический характер, что обуславливает взаимосвязь с широким спектром научных областей, в частности, как мы увидели, военной историей. Определенную важность имеет собственно лингвистический аспект изучения то-

понимов, а изучение этимологического фактора, который влияет на взаимопроникновение лингвистического, географического и исторического аспектов в национальные географические наименования, позволяет более детально понимать сущность, конструкцию и эволюцию различных «отраслевых» направленностей топонимики. Исследование, проведенное в данной статье представляет собой попытку формулирования принципов и этимологических особенностей топонимов во французском и немецком языке, которые создавались или вновь применялись населением в периоды миграции, в зависимости от вектора и степени влияния военных действий первых нескольких лет Первой мировой войны. Интерес представляет тот факт, что в приведенных переименованиях топонимов, с одной стороны, проявляется одна из важнейших функций имени собственного – идентифицирующая, или конкретнее – этническая самоидентификация общества или его доминирующей части. С другой стороны, в связи с тем, что подобные лингвистические трансформации нередко производятся в полинациональных и в полиязыковых социумах, то целесообразно говорить и о топонимическом геноциде (термин, предложенный Н.Н. Подольской [10]), как проявлении национально-культурного геноцида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гейфнер О.В. Военная топонимика городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. №1. С. 94–97.
2. Романюк М.Ю. Этимологический анализ топонимики США (на примере штата Аляска) // Вестник Оренбургского гуманитарного университета. 2016. №2 (190). С. 83–87.
3. Arnold W. Ansiedlungen und Wanderungen deutscher Stämme: zu meist nach hessischen Ortsnamen. 2. Aufl. Marburg: Elwert, 1881. 694 p.
4. Silguy de C. Histoire des hommes et de leurs ordures: du Moyen Âge à nos jours (фр.). Le Cherche Midi, 2009. 346 p.
5. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1987. 288 с.
6. Nègre E. Toponymie générale de la France. Librairie Droz, 1996. 676 p.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. II. 672 с.
8. Ниёмеляйнен Ю., Жители Калининграда считают себя русскими, но власти предупреждают о «ползучей германизации». – 24.01.2017 // Портал «ИноСМИ». – URL: <https://inosmi.ru/social/20170124/238588123.html>
9. Scully R.J. «North Sea or German Ocean»? The Anglo-German Cartographic Freemasonry, 1842–1914 (англ.) // Imago Mundi: journal. 2009. Vol. 62. P. 46–62.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.
11. Алишина Г.Н. Российская империя в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.): в поисках «Внутреннего врага» // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2012. №4 (20). С. 86–90.
12. Румянцев А.Г. «Столица меняет имя» – о переименовании С.-Петербурга в Петроград // Публикации ЦГИА СПб. – 27.11.2013. – URL: https://spbarchives.ru/cgi/publications/-/asset_publisher/Hla8/content/-stolica-menaet-ima-o-pereimenovanii-s-peterburga-v-petrograd
13. Казакова-Анкаримова, Е. Ю. Общественная жизнь уральского города в годы Первой мировой войны / Е. Ю. Казакова-Анкаримова // Известия УрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2010. №2 (76). С. 113–126.
14. Циркуляр Министерства Внутренних Дел о переименовании селений 15.10.1914 г. // Информационный портал российских немцев. – URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/18/30/124>
15. Вубе П.П. Немецкие и меннонитские колонии Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия ОГИК музея. 2003. №10.
16. Назаров А.И. Из истории Первой мировой войны: война с топонимами // Материалы XVII Международной конференции «Ономастика Поволжья» (17–20 сентября 2019 г., Великий Новгород). – URL: <http://imja.name/toponimy/toponimy.shtml>
17. Mentz F. Die Ortsnamenverdeutschung in Elsaß-Lothringen // Zeitschrift des allgemeinen deutschen Sprachvereins, 31. Jahrgang 1916, S. 4–8, 40–46.

Статья поступила в редакцию 30.12.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020